

УДК 159.923.2; 930.1(73+420)

Агеева Вера Валентиновна,
канд. ист. наук, доцент ка-
федры истории и регионове-
дения Института социально-
гуманитарных технологий
Томского политехнического
университета (Россия, 634050,
г. Томск, пр. Ленина, д. 30).
E-mail: iforya@tpu.ru

**СОВРЕМЕННОЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЕ
РОССИЕВЕДЕНИЕ КАК КОГНИТИВНЫЙ РЕСУРС
ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
MODERN ENGLISH-AMERICAN RUSSIAN STUDIES
AS A COGNITIVE RESOURCE OF RESEARCH IN
RUSSIAN NATIONAL IDENTITY**

В.В. Агеева
V.V. Ageeva

Томский политехнический университет, Россия
Tomsk Polytechnic University, Russia

Исследование национальной идентичности современного российского общества является одним из наиболее интенсивно разрабатываемых направлений западного руссиеведения. К началу XXI в. в англоязычном руссиеведении сформировалась солидная историографическая традиция изучения национальных идентификационных практик советской и постсоветской России. В 1990–2010-е гг. вышло в свет значительное количество фундаментальных британских и американских исследований, посвященных не только национально-государственной, региональной и гендерной российской идентичности, но и сравнительному анализу социокультурных репрезентаций национальной идентичности в советском и постсоветском обществе. Цель данной работы – выявление ключевых тенденций развития англо-американской историографии 1990–2010-х гг., посвященной вопросам национальной идентичности российского общества. Результатом исследования является определение ведущих методологических подходов и новаторских предметных полей в англо-американских исследованиях российской национальной идентичности. Теоретическими основаниями для изучения национальной идентичности в российской истории и современности являются междисциплинарный подход, внимание к изменениям в настроениях российского общества, рассматриваемым сквозь призму новых веяний в литературе, кинематографе, музыке. Взаимосвязь гендерной и национальной идентичности, трансформации «постсоветского» и «неоимперского» дискурсов исследуются на основе материалов официальной пропаганды, публицистики и художественного творчества.

Ключевые слова: национальная идентичность, руссиеведение, историография, национальное самосознание, постсоветское пространство, методология истории.

National identity of the modern Russian society has traditionally been an attractive scientific field in the western Russian studies. Throughout the 20th and 21st centuries anglophone Russian studies have accumulated a rich historiographical tradition devoted to national identification practices of Soviet and Post-Soviet Russia. In 1990s and 2010s, a significant number of fundamental English and American studies on Russian national identity were published. This scientific works are concerned not only with popular debating point of national, ethnical, regional and gender Russian identity, but also with comparative analysis of sociocultural representations of national identity in Soviet and Post-Soviet society. The objective of this article is to examine the main trends in studies of Russian national identity in the anglophone historiography of the end of 20th and the beginning of 21st centuries. The result of this study is an arrangement of general research approaches and identification of new thematic perspectives in anglophone studies of Russian national identity. Theoretical foundations for the research of Russian national identity in history and modernity are an interdisciplinary approach, attention to changes in Russian society, considered from the viewpoint of new trends in literature, cinema, music. The interlinkages between gender and national identity, the transformation of «post-Soviet» and «neo-imperialist» discourse are investigated on the basis of the official propaganda, journalism and artistic creativity.

Key words: national identity, Russian studies, historiography, national consciousness, the Post-Soviet space, methodology of history.

Введение

Начиная с 1990-х гг. отечественная историческая наука решает задачу освоения масштабной историографической традиции Russian Studies, лидирующие позиции среди которых занимает англоязычная научная продукция. Существенные трансформации, которым подвергся

образ России в американском россиеведении 1990–2000-х гг., нивелирование влияния тоталитарной теории и обращение к конкретно-историческим проблемам российской культуры и общества обусловили популярность в современной американской историографии вопросов, связанных с национальными идентификационными практиками постсоветской России. Внушительное количество фундаментальных работ в области трансформаций национальной идентичности, посвященных постсоветскому обществу и составивших корпус историографических источников данного исследования, неизвестны широкому кругу российских читателей, до сих пор не переведены на русский язык [см., напр., 1–5]. В первую очередь неоправданно низким и избирательным является интерес отечественных исследователей к научной продукции последнего десятилетия [напр., 6–8]. В этой связи представляется актуальным расширение и систематизация знаний о методологических новациях и ведущих тематических векторах, предложенных англоязычными Russian Studies в сфере исторических метаморфоз и современного состояния российской национальной идентичности.

Отечественная историография зарубежных Russian Studies, посвященная проблемам современной российской идентичности, сконцентрирована преимущественно на работах 1980–90-х годов. Попытки синтезировать западный опыт изучения коллективной идентичности российского общества активно предпринимались в 1990-е – первой половине 2000-х гг. [см., напр., 9, 10], в то время как второе десятилетие XXI в. характеризуется узкоспециальным, прикладным интересом российских авторов к изысканиям Russian Studies в данной области [11–14], созданием кратких аналитических обзоров без комплексного анализа методологических парадигм. На сегодняшний день не создано обобщающих работ, посвященных анализу причин и последствий изменений, произошедших в российской национальной идентичности в постсоветскую эпоху. Цель данной работы – выявление ключевых тенденций развития англо-американской историографии 1990–2010-х гг., посвященной проблемам национальной идентичности российского общества. Привлечение «взгляда со стороны» – опыта англо-американского россиеведения – позволит ответить на целый ряд вопросов, как правило, остающихся вне исследовательских приоритетов российских авторов: каковы взаимосвязи трансформаций и репрезентаций гендерной и национальной идентичности в современной России? Насколько успешными и долговременными можно считать современные политические стратегии по конструированию адекватной национальной идентичности? Каковы перспективы диалога зарубежного и отечественного россиеведения в изучении российской национальной идентичности? Новизна результатов исследования определяется выявлением ведущих методологических подходов и новаторских предметных полей в англо-американских исследованиях российской национальной идентичности 1990–2010-х гг.

«Неизбывное бремя» постсоциализма: дискуссии о российской национальной идентичности в англо-американской историографии XXI века

Первая половина 2000-х гг. в британском и американском россиеведении ознаменовалась появлением целого ряда солидных исследований по вопросам формирования и исторического развития российской национальной идентичности [напр., 15–17]. Отличительной чертой западных работ начала XXI в., посвященных постсоветской национальной идентичности, стала все более настойчивая констатация невозможности преодолеть кризисное, «постсоциалистическое» состояние национальной идентичности, конъюнктурная апелляция к переходности социально-экономических и политических процессов [18, pp. 6–9]. Подобное «застревание» на «пост»-идентичности, официальный дискурс которой на сегодняшний день насчитывает уже более двадцати лет, было наиболее удачно обозначено М. Лайт в 2003 г. как «неизбывное бремя постсоциализма» («inescapable post-socialism burden»), подразумевающее необходимость многократных возвратов к вопросам коллективной идентичности на постсоветском пространстве, национальной самоидентификации русскоязычного населения стран ближнего зарубежья, отношения к общесоюзному наследию и т. д. [19, p. 56].

Идейно-политический вакуум, образовавшийся после распада СССР и дискредитации марксистско-ленинской идеологии, на протяжении 1990-х гг. затруднял осмысление и артикулирование внешнеполитических приоритетов. Изъятие стабильной идеологической составляющей из официального дискурса власти усугубляло кризис идентичности: внешнеполитиче-

ские концепции, выдвигавшиеся в 1990-е гг., не содержали ни описания прошлого как предмета общей гордости, ни плана идеального будущего, ни четкой характеристики средств, необходимых для достижения внешнеполитических целей России [19, pp. 54–56; 7, pp. 256–276]. К концу 2000-х гг., на первый взгляд, наметились определенные сдвиги в дискуссии о российской национальной идентичности: за критикой «бездумного прозападнического либерализма» 1990-х гг. последовал консенсус внешнеполитических репрезентаций, основанный на рациональном анализе национальных интересов, более независимой по отношению к Западу политической линии. Динамика реконструкции российской национальной идентичности в постсоветский период, как отмечают исследователи, тесно связана с отношением России к своим ближайшим географическим соседям – бывшим союзным республикам [5, pp. 2–30]. Так, в качестве свидетельства возрождения советской эстетики и «риторики дружбы народов» воспринимаются принципы отбора российских участников и исполняемых ими песен на конкурс «Евровидение», особенности организации конкурса «Новая волна» и др. [20, pp. 447–451; 21, pp. 24–25].

Однако, несмотря на внешние успехи определения роли и статуса страны в мире и строительства «новой», российской идентичности в 2000–2010-х гг., острота вопроса общенациональной самоидентификации, по мнению авторов, по-прежнему пронизывает российскую социокультурную сферу. Подобные утверждения о незавершенности процессов вызревания адекватной национальной идентичности обосновываются с привлечением нетрадиционной источниковой базы. К примеру, К. Балистрери анализирует репрезентации национальной идентичности в российской детской литературе 1990–2010 гг. [6, pp. 9–34]. Перед авторами детской художественной литературы в 1990-е гг. встала непростая задача преодоления глубокого социального и культурного кризиса, поставившего под вопрос их позиции «взрослых» как педагогических авторитетов, наставников подрастающего поколения и «интеллектуалов» как нравственных лидеров общества. В постсоветском историко-культурном контексте оказалась проблематичной для реализации даже аксиома приверженности семейным ценностям как ключа к сплоченности и благополучию нации. К примеру, социальный проект рекламной группы «Олимп» по размещению в московском метро плакатов «Любовь к Родине начинается с семьи (Ф. Бэкон)», приуроченный к году семьи (2008), был встречен, к удивлению организаторов, критикой и саркастическими отзывами общественности. Нарушение устойчивого алгоритма трансляции ценностей от отцов к детям и связей между поколениями, характерное для всего советского периода, обусловила для детских писателей 1990-х гг. необходимость повторного определения самих себя, решения проблем собственной идентичности [6, pp. 14–22].

Формирование у юного читателя жизненной точки отсчета как важнейшая функция детской литературы исходит из установки, что взрослая жизнь является наиболее полным воплощением человеческого существования. О незавершенности построения собственной идентичности у детских писателей 2000–2010-х годов свидетельствует отказ от данной установки в пользу противоположной повествовательной стратегии: идеализации беззаботной игры, «чуждества» и счастливого детства как «золотой поры» человеческой жизни [6, pp. 21–22].

Коннотации напряженности, сомнения и тревоги обнаруживают, по мнению западных исследователей, многие социокультурные маркеры национальной идентичности. Выводы о до сих пор не преодоленных трудностях и незавершенности процессов формирования российской национальной идентичности строятся на основе анализа музыки и национального гимна, судьбы советского архитектурного и скульптурного наследия [22, pp. 27–38; 17, pp. 524–528]. Как не единожды было замечено в зарубежном руссиеведении, далеко не многие страны мира меняли свой национальный гимн столько раз, сколько Россия/СССР. Предмет особого внимания для исследователей – судьба советского гимна в постсоветский период как свидетельство изменений, происходящих в национальной идентичности в 1990–2000-е гг. К. Брук анализирует движение от «проблемного и спутанного» чувства российской идентичности (принятие в 1993 г. бессловесного гимна на музыку М.И. Глинки) к укреплению гражданского самосознания через возврат в 2000 г. к старому гимну Советского Союза, не только позитивно и героически насыщенный, но и выполняющему функцию социального примирения благодаря трем возможным вариантам слов [22, pp. 27–38].

Нельзя не остановиться на работе Б. Фореста и Дж. Джонсона «Связующие нити истории: советские монументы и постсоветская национальная идентичность», получившей широкое

признание и являющейся знаковой в данной области современного руссиеведения [17]. Авторы исследуют советские памятники, мемориалы и музейные комплексы, по их мнению, ставшие в 2000-е годы «доминантой символического пейзажа Москвы» вследствие настойчивых возвратов современного российского общества в советское прошлое в поисках идентичности.

Б. Форест и Дж. Джонсон проводят детальный анализ общественно-политических конфликтов 1990-х гг., возникавших вокруг вопросов о судьбе советского архитектурного и скульптурного наследия. Эти конфликты трактуются руссиеведами как индикатор стремительно развивавшихся процессов становления национальной идентичности. Авторы прослеживают взаимосвязи между символическим наследием советской эпохи и характером взаимоотношений политической элиты с общественностью в период постсоветских трансформаций, красочно описывают политическую «борьбу за национальную идентичность».

Форест и Джонсон анализируют конкретно-историческое воплощение в памятниках и мемориалах двух различных моделей постсоветской национальной идентичности: гражданско-демократической и национально-имперской. Исследователи обращают внимание читателей на категорию так называемых недостающих национальных памятников в современной России – памятников демократическим идеалам. Политическая элита со второй половины 1990-х гг. не только не выражала особого интереса к строительству новых памятников гражданской активности, но и позволила «кануть в лету» тем немногим из них, что уже существовали.

Авторы приводят в пример показательный и малоизвестный исторический факт: ни Б.Н. Ельцин, ни Ю.М. Лужков не предприняли никаких шагов, чтобы сохранить для потомков примечательный памятник идеалам гражданственности – троллейбус, сыгравший роль баррикады перед Белым домом в августе 1991 г. Троллейбус, протараненный танком во время политического противостояния, изначально был размещен в передней части Музея современной истории и служил напоминанием о гибели трех гражданских лиц, защищавших демократию и верховенство закона. В 1998 г. этот экспонат, равным образом смущавший как посетителей, так и руководство музея, был удален из поля зрения общественности [17, pp. 524–540]. В качестве иллюстрации пренебрежения и непривлекательности гражданских и демократических символов для российской общественности в исследовании выступает безразличное отношение россиян к Дню Конституции и Дню независимости. Причины отказа российской общественности от создания памятных мест, коррелирующих с гражданско-демократической идентичностью, авторы справедливо видят в сохранении авторитарной политической культуры. Однако утверждение исследователей о том, что именно демократические символы могли бы стать основополагающими для национальной идентификации постсоветской России, представляется несостоятельным с историко-культурной точки зрения. В силу глубоких политических традиций и ментальных установок, а также в связи с неоднозначной оценкой событий, связанных с распадом Советского Союза и последовавших за ним трансформаций, символический капитал атрибутов демократического строя и гражданского общества, ассоциированных с политическими событиями 1990-х гг., минимален в современном российском обществе.

Ностальгия по советскому прошлому, по справедливому замечанию руссиеведов, является не чем иным, как защитным механизмом против стремительных и далеко не всегда успешных социально-экономических и политических изменений последнего десятилетия XX в. Принимая во внимание точку зрения о возможности конструирования и внедрения различных форм коллективной самоидентификации, трудно не согласиться с выводом Б. Фореста и Дж. Джонсона о том, что современные национально-имперские, «великодержавные» коннотации официального дискурса являются объективным следствием целого ряда сопутствующих факторов: конкуренции политических сил за обладание символическим капиталом и разочарованием широких слоев населения начальным этапом социально-экономических постсоциалистических трансформаций, а не проявлением сформировавшейся национальной идентичности.

Заключение Б. Фореста и Дж. Джонсона сводится к тому, что ни одна политическая элита, даже обладающая мощными рычагами идеологического воздействия, не в состоянии конструировать национальную идентичность, свободную от исторических, географических и геополитических детерминант. Невозможно навязать модель национальной идентификации в готовом виде, даже в отношении пассивной общественности. Возможности влияния гражданского общества на процессы демократизации и трансформации национальной памяти, широко пред-

ставленные в начале 1990-х гг., были практически свернуты, по мнению авторов, к 1999 г., когда вернулась в полном объеме доминирующая роль государства в процессе увековечивания исторических лиц и событий. Авторы резюмируют, что потенциал формирования «новой» национальной идентичности в посткоммунистических государствах (и в более широком смысле – в поставторитарных обществах) имеет весьма ограниченные пространственные и временные рамки.

И снова «Империя, раскинувшаяся между Западом и Востоком»

Для англоязычных Russian Studies 1990–2000-х гг. общим местом является утверждение о взаимообусловленности, если не о синкретизме, национальных идентификационных практик имперской, советской и постсоветской России. Внимание исследователей сосредоточено вокруг концептов «Российская империя» и «Российская цивилизация», фигурирующих в россиеведении как неоднозначная, но на редкость устойчивая составляющая российской национально-государственной идентичности. Отказ от исторических великодержавных традиций и особой роли России в качестве моста между Европой и Азией, произошедший в начале 1990-х гг., в долгосрочной перспективе оказался нецелесообразным [7, pp. 1–14, 256–268; 23; 24]. Постсоветский опыт показал, что тоска по восстановлению России как великой державы, империи обладает гораздо более мощным консолидирующим импульсом, нежели набравший популярность, но все же уступающий имперскому православный дискурс. Одним из популярных источников для изучения постсоветской национальной идентичности у американских россиеведов являются официальные заявления российских политических лидеров, Послания Президента России Федеральному Собранию, в которых авторы замечают наследие холодной войны, неудовлетворенность ее итогами [25, pp. 435–442; 7, pp. 2–3; 26, pp. 295–313]. Со второй половины 2000-х гг. внимание англоязычных Russian Studies сосредоточено на готовности россиян поддержать воссоединение с другими частями бывшего СССР [5, pp. 2–30; 8, pp. 187–211].

Исторические метаморфозы российской национальной идентичности исследователи оценивают как важный индикатор социокультурных трансформаций, связанных с понятием «границы» – символом многонациональности и территориального единства [7, pp. 81–117]. По мнению западных россиеведов, существенные успехи в формировании национально-государственной идентичности в начале XXI в. обусловлены целым рядом «благоприятных» факторов: относительно комфортным уровнем материального благосостояния населения и возрождением имперской риторики о бескрайних границах России на фоне политических событий 2013–2014 гг. [16, pp. 487–496; 25, pp. 436–439]. Ярким свидетельством отражения этих факторов в общественных настроениях является возрождение старого советского анекдота: «С какими странами граничит СССР? С какими хочет, с теми и граничит!», пользовавшегося популярностью во времена ввода советских войск в Венгрию (1956) и Чехословакию (1968). Однако даже эффективный и доминирующий дискурс «империи как перманентного геокультурного состояния России», по мнению зарубежных авторов, не преодолевает хрупкость и незавершенность процессов формирования национальной идентичности: подчас аморфные или апатичные взгляды россиян на будущее страны, недоверие к официальным репрезентациям прошлого, разочарование коррумпированной бюрократией и правительством [7, pp. 256–260; 27, pp. 591–601]. В этой связи британские и американские исследователи сформулировали ряд вопросов, остающихся на сегодняшний день без ответов: действительно ли имперский дискурс является неотъемлемой и «наиболее жизнеспособной» составляющей российской национальной идентичности? Или после реализации временной и компенсаторной функции в постсоветском социуме «российский мессианский дискурс» все же уйдет в прошлое?

Постсоветская национальная идентичность сквозь призму гендера

С 1990-х гг., благодаря получению доступа в архивы и появлению возможности проводить независимые социологические исследования, в сфере Russian Studies наблюдается взрывной рост интереса к проблематике взаимосвязей гендера, гражданственности и империализма в постсоветской культуре. Исследователи синтезировали целостную хронологическую структуру исторических взаимосвязей гендерной и национально-государственной идентичности: 1) революция 1917 г., политика гендерного и национального равенства в 1920-х гг.; 2) сталинизм, конструирование основ «классической» советской идентичности и советского «гендерного разрыва» в 1930–

50-х гг.; 3) позднесоветский феномен «приватизации жизни», кризисные явления в национальной идентичности и нивелирование советского гендерного контраста в 1960–1980-х годах [4, 3].

Еще в начале 2000-х гг. в англо-американских Russian Studies проявлялся неподдельный интерес к анализу демократических перемен в решении постсоветских гендерных вопросов. Однако уже со второй половины 2000-х гг. внимание англо-американских русистов сосредоточено преимущественно вокруг процессов «ремаскулинизации» России, создания привлекательных образов национальной мужественности. Используя определения «нового гендерного консерватизма» и «новой гендерной идеологии», авторы делают акцент на политизации гендера в России последнего десятилетия [8, pp. 187–201]. Современные исследования существования феминизма в условиях политического давления постулируют, что феминизм при авторитарном или тоталитарном режиме зачастую развивается подпольно, как в отношении форм активности, так и в отношении способов, которыми активисты могут сформулировать свои требования. В полуавторитарных государствах феминизм «уходит внутрь государства», выдвигая более умеренные требования, чем интернациональный женский активизм. Ряд авторов указывают на маргинализацию исследований феминизма и гендерных проблем в современной России: расцвет изучения гендерной идеологии в эпоху перестройки и постепенный упадок к 2010-м гг. Актуализации гендерных исследований как основы для анализа социально-политических процессов в постсоветской России во многом способствовало дело «Pussy Riot», вызвавшее широкий международный резонанс. По мнению зарубежных русистов, «феминистический проект Pussy Riot» является достаточным основанием для импликации западных категорий феминизма к российской действительности и пристального внимания к политической активности современных российских женщин [27, pp. 591–598]. Анализируя практику реконструкции российских гендерных отношений в постсоветский период, историки обращают внимание на противоречивость и незавершенность процессов формирования как гендерной, так и национальной идентичности.

Заключение

В разноплановых работах британских и американских исследователей XXI в., посвященных российской национальной идентичности, ведется активный методологический поиск. Теоретическими основаниями для изучения национальной идентичности в российской истории и современности становятся междисциплинарный подход, внимание к изменениям в настроениях российского общества, рассматриваемым сквозь призму новых веяний в литературе, кинематографе, музыке. Зарубежные русисты сходятся во мнении, что кризис российской идентичности усугубляет целый ряд объективных и субъективных факторов: нерешенность вопросов коллективной идентичности на постсоветском пространстве, национальной самоидентификации русскоязычного населения стран ближнего зарубежья, отношения к общесоюзному наследию; отсутствие новых интеллектуальных лидеров и национального консенсуса по базовым ценностям. Исследователи выделяют целый ряд кризисных явлений национальной самоидентификации россиян на современном этапе и сходятся во мнении о болезненности и незавершенности процессов вызревания национальной идентичности в постсоветском обществе.

Обращение к традициям и новациям американской историографии позволяет провести комплексный анализ подходов зарубежного русистоведения к изучению российской истории и современности. Англо-американская историография представляет богатейший теоретический материал для анализа трансформаций национальной идентичности постсоветской России, причин и последствий этих изменений в социокультурной жизни страны, а материалы официальной пропаганды, публицистики и художественного творчества представляют пока еще не востребованную в научном обороте источниковую базу для изучения этих процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cracraft J., Rowland D. Architectures of Russian identity: 1500 to the present. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003. 272 p.
2. Franklin S., Widdis E. National identity in Russian culture: an introduction. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. 260 p.

3. Gender and national identity in the twentieth century Russian culture. Ed. by H. Goscilo, A. Lanoux. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2006. 267 p.
4. Pilkington H. Gender, generation and identity in contemporary Russia. London, New York: Routledge, 1996. 306 p.
5. Rebounding identities. The politics of identity in Russia and Ukraine. Ed. by D. Arel, B.A. Ruble. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2006. 384 p.
6. Balistreri C. At play: the construction of adulthood and authorial identity in Russian children's literature (1990–2010). Thesis for the degree of Doctor of Philosophy. University of Exeter, 2013. 392 p.
7. Bouveng K.R. The role of messianism in contemporary Russian identity and statecraft. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy. Durham University, 2010. 322 p.
8. Marsh R. The Concepts of gender, citizenship, and empire and their reflection in Post-Soviet culture // *Russian Review*, 2013, vol. 72. issue 2, pp. 187–211.
9. Лаптева Е.В. Американское россиеведение: образ России. – Екатеринбург, Пермь: Изд-во Урал ун-та, 2004. – 118 с.
10. Шашина Е.Б. Основные тенденции развития россиеведения в США, 1960 – начало 1990-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993. – 166 с.
11. Агеева В.В. Отечественное россиеведение и Russian Studies: опыт взаимодействия в 1990-х – 2000-х гг. // Трансформация научных парадигм и коммуникативные практики в информационном социуме. VI Всероссийская научно-практическая конференция студентов и молодых ученых. Национальный исследовательский Томский политехнический университет. – Томск, 2013. – С. 273–274.
12. Агеева В.В. Тенденции развития современного отечественного россиеведения // *Казанская наука*. – 2013. – № 11. – С. 23–25.
13. Рогаева И.Е. История имперской России сквозь призму современного англо-американского россиеведения // *Теория и практика общественного развития*. – 2014. – № 16. – С. 260–264.
14. Андропова Л.А. Исследования России в Китае на современном этапе // *В мире научных открытий*. – 2014. – № 11.3 (59). – С. 1193–1212.
15. Duncan P. Contemporary Russian identity between East and West // *Historical Journal*, 2005, vol. 48, no. 1, pp. 277–294.
16. Engelstein L. New Thinking about the Old Empire: Post-Soviet reflections // *The Russian Review*, 2001, no. 60, pp. 487–496.
17. Forest B., Johnson J. Unraveling the threads of history: Soviet-Era monuments and Post-Soviet national identity in Moscow // *Annals of the Association of American Geographers*, 2002, vol. 92, no. 3, pp. 524–547.
18. Chari S., Verdery K. Thinking between the posts: Postcolonialism, postsocialism and ethnography after the cold war // *Comparative studies in society and history*, 2009, vol. 51, issue 1, pp. 6–34.
19. Light M. In search of an identity: Russian foreign policy and the end of ideology // *Journal of Communist studies and transition politics*, 2003, no. 19(3), pp. 42–59.
20. Platt K.M. Russian empire of pop: Post-Socialist nostalgia and Soviet retro at the "New Wave" competition // *Russian review*, 2013, vol. 72, issue 3, pp. 447–469.
21. Johnson E.D. A new song for a new motherland: Eurovision and the rhetoric of Post-Soviet national identity // *Russian review*, 2014, vol. 73, issue 1, pp. 24–46.
22. Brooke C. Changing identities: the Russian and Soviet national anthems // *Slavonica*, 2007, vol. 13, no.1, pp. 27–38.
23. Агеев И.А. История Обь-Енисейского соединительного водного пути: автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2012.
24. Агеев И.А. Управление изысканием, строительством и эксплуатацией Обь-Енисейского пути // *Вестник Томского государственного университета. История*. – 2010. – № 2. – С. 14–17.
25. Ambrosio T., Vandrovec G. Mapping the geopolitics of the Russian Federation: the Federal Assembly Addresses of Putin and Medvedev // *Geopolitics*, 2013, vol. 18, issue 2, pp. 435–466.
26. Roberts G. Message on a bottle: packaging the Great Russian Past // *Consumption Markets and Culture*, 2014, vol. 17, no. 3, pp. 295–313.

27. Sperling V. Russian feminist perspectives on Pussy Riot // *Nationalities Papers*, Jul. 2014, vol. 42, issue 4, pp. 591–603.

REFERENCES

1. Cracraft J., Rowland D. *Architectures of Russian identity: 1500 to the present*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003, 272 p.
2. Franklin S., Widdis E. *National identity in Russian culture: an introduction*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006, 260 p.
3. *Gender and national identity in the twentieth century Russian culture*. Ed. by H. Gosciolo, A. Lanoux. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2006, 267 p.
4. Pilkington H. *Gender, generation and identity in contemporary Russia*. London, New York: Routledge, 1996, 306 p.
5. *Rebounding identities. The politics of identity in Russia and Ukraine*. Ed. by D. Arel, B.A. Ruble. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2006, 384 p.
6. Balistreri C. *At play: the construction of adulthood and authorial identity in Russian children's literature (1990–2010)*. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy. University of Exeter, 2013, 392 p.
7. Bouveng K.R. *The role of messianism in contemporary Russian identity and statecraft*. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy. Durham University, 2010, 322 p.
8. Marsh R. The Concepts of gender, citizenship, and empire and their reflection in Post-Soviet culture // *Russian Review*. 2013, vol. 72, issue 2, pp. 187–211.
9. Lapteva E.V. *Amerikanskoe rossievedenie: obraz Rossii* [American Russian studies: Russia's image]. Ekaterinburg, Perm: Izd-vo Ural. un-ta, 2004, 118 p.
10. Shashina E.B. *Osnovnye tendentsii razvitiya rossievedeniya v SShA, 1960 – nachalo 1990-kh gg.* Kand. Diss. [Major trends in Russian studies in the United States, 1960 – the beginning of the 1990s. PhD]. M., 1993, 166 p.
11. Ageeva V.V. *Otechestvennoe rossievedenie i Russian Studies: opyt vzaimodeistviya v 1990-kh – 2000-kh gg.* [Domestic Russian studies and Russian Studies: experience of cooperation in the 1990s – 2000s.] // *Transformatsiya nauchnykh paradigm i kommunikativnye praktiki v informatsionnom sotsiume. VI Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh. Natsionalnyi issledovatel'skii Tomskii politekhnicheskii universitet*. Tomsk, 2013, pp. 273–274.
12. Ageeva V.V. *Tendentsii razvitiya sovremennogo otechestvennogo rossievedeniya* [Trends in the development of modern domestic Russian studies] // *Kazanskaya nauka*, 2013, no. 11, pp. 23–25.
13. Rogaeva I.E. *Istoriya imperskoi Rossii skvoz' prizmu sovremennogo anglo-amerikanskogo rossievedeniya* [History of Imperial Russia through the prism of contemporary Anglo-American Russian studies] // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2014, no. 16, pp. 260–264.
14. Andronova L.A. *Issledovaniya Rossii v Kitae na sovremennom etape* [Studies of Russia in China at the present stage] // *V mire nauchnykh otkrytiy*, 2014, no. 11.3 (59), pp. 1193–1212.
15. Duncan P. *Contemporary Russian identity between East and West* // *Historical Journal*, 2005, vol. 48, no.1, pp. 277–294.
16. Engelstein L. *New Thinking about the Old Empire: Post-Soviet reflections* // *The Russian Review*, 2001, no. 60, pp. 487–496.
17. Forest B., Johnson J. *Unraveling the threads of history: Soviet–Era monuments and Post–Soviet national identity in Moscow* // *Annals of the Association of American Geographers*, 2002, vol. 92, no. 3, pp. 524–547.
18. Chari S., Verdery K. *Thinking between the posts: Postcolonialism, postsocialism and ethnography after the cold war* // *Comparative studies in society and history*, 2009, vol. 51, issue 1, pp. 6–34.
19. Light M. *In search of an identity: Russian foreign policy and the end of ideology* // *Journal of Communist studies and transition politics*, 2003, no. 19(3), pp. 42–59.
20. Platt K.M. *Russian empire of pop: Post-Socialist nostalgia and Soviet retro at the "New Wave" competition* // *Russian review*, 2013, vol. 72, issue 3, pp. 447–469.

21. Johnson E.D. A new song for a new motherland: Eurovision and the rhetoric of Post-Soviet national identity // *Russian review*, 2014, vol. 73, issue 1, pp. 24–46.
22. Brooke C. Changing identities: the Russian and Soviet national anthems // *Slavonica*, 2007, vol. 13, no.1, pp. 27–38.
23. Ageev I.A. Istorija Ob-Eniseiskogo soedinitelnogo vodnogo puti. Kand. Diss. [The history of the Ob and Yenisei connecting waterway. PhD Diss.]. Tomsk, 2012.
24. Ageev I.A. Upravlenie izyskaniem, stroitel'stvom i ekspluatatsiei Ob'-Eniseiskogo puti [Management survey, construction and operation of the Ob-Yenisei way] // *Tomsk State University Journal. History*, 2010, no. 2, pp. 14–17.
25. Ambrosio T., Vandrovec G. Mapping the geopolitics of the Russian Federation: the Federal Assembly Addresses of Putin and Medvedev // *Geopolitics*. 2013, vol. 18, issue 2, pp. 435–466.
26. Roberts G. Message on a bottle: packaging the Great Russian Past // *Consumption Markets and Culture*, 2014, vol. 17, no. 3, pp. 295–313.
27. Sperling V. Russian feminist perspectives on Pussy Riot // *Nationalities Papers*. Jul, 2014, vol. 42, issue 4, pp. 591–603.

Поступила 10.05.2015 г.